

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 358–362

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 358–362
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-358-362>

EDN: MOXCGO

Научная статья
УДК 130.122

Безумие в дискурсе «Другой» в современной философии

А. Н. Атыскина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Атыскина Анастасия Николаевна, аспирант кафедры философии, atyaskinanastya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9029-7255>

Аннотация. Введение. Статья посвящена разработке темы безумия в дискурсе «Другой» в эстетических и философских концепциях, использующих культурную модель безумия. Безумие рассматривается в качестве метаисторической категории культуры, исключенного языка в западноевропейской культуре, существующего вопреки языковому кодексу. **Теоретический анализ.** Для определения статуса безумия в современной философии автор обращается к исследованию феномена безумия в контексте дискурса «Другой». Показано, что исключение безумия из контекста философских исследований происходило на основаниях различных маркеров, меняющихся из эпохи в эпоху: ложь, заблуждение, бессмыслица, шутовство и, наконец, дисфункция разума, завершенная реформой Пинеля. Определение безумия как запрещенного языка основывается на двух тезисах: 1) в основе психических заболеваний лежат биологические, а не социально-психологические проблемы; 2) безумие и психическое заболевание – это не две различные конфигурации, а только лишь органические повреждения, подлежащие фармакологической нейтрализации со строгим определением отклонений поведения, исключающие субъективные и нетелесные страдания. **Заключение.** Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью темы безумия в дискурсе «иного» в современных эстетических и философских концепциях, построенных на культурной модели безумия. Двойственность предмета психиатрии, касающегося человека как личности, подразумевает, что при исследованиях необходимо учитывать и эту составляющую, помимо исключительно естественно-научной сферы изучения. **Ключевые слова:** безумие, инаковость, психика, Другой, отсутствующий Другой, субъективность

Для цитирования: Атыскина А. Н. Безумие в дискурсе «Другой» в современной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 358–362. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-358-362>, EDN: MOXCGO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

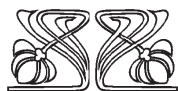
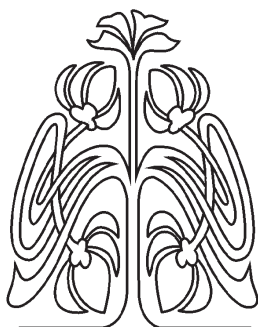
Madness in the discourse of the “Other” in the contemporary philosophy

A. N. Atyaskina

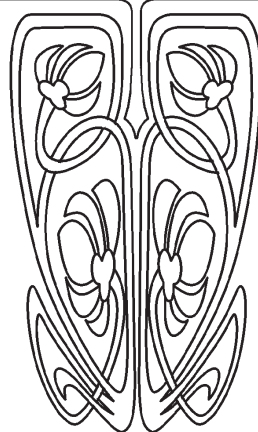
Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Anastasia N. Atyaskina, atyaskinanastya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9029-7255>

© Атыскина А. Н., 2022

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. This paper considers madness as a metahistorical category of culture as well as an excluded language in Western European culture that exists despite the language code. To determine the status of madness in the contemporary philosophy the author analyses the way it functions in the discourse of “the other”. **Theoretical analysis.** The exclusion of madness from the context of philosophical research occurred due to such various markers changing from era to era as a lie, delusion, nonsense, buffoonery, and finally the dysfunction of the mind completed by Pinel’s reform. The definition of madness as a forbidden language comes from two theses: 1) mental disorders result from biological, not socio-psychological problems; 2) madness and a mental disorder are not two different configurations, they have organic nature that is to be neutralized in terms of pharmacology and defined in terms of behavioral deviations, and that excludes subjective and nonphysical suffering. **Conclusion.** The research relevance is obvious because modern aesthetics and philosophy with the cultural model of insanity as a core concept need further elaborating. The duality of the subject of psychiatry concerning the human personality implies that this component must be taken into account apart from exclusively natural-scientific studies.

Keywords: madness, otherness, psyche, Other, absent Other, subjectivity

For citation: Atyaskina A. N. Madness in the discourse of the “Other” in the contemporary philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 358–362 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-358-362>, EDN: MOXCGO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

При кризисе рационального метода познания выходом становится поиск альтернативных мировоззренческих концепций, построенных на критике рационалистических абстракций. Поэтому феномен безумия так или иначе сохраняет свою значимость в различных культурах, становясь приоритетной формой протеста против классических устоявшихся норм, реализуя тем самым потребность человека в иррациональной рефлексии духовной культуры для постижения самого себя. Концептуализация инаковости позволяет установить демаркацию границ познаваемости субъекта. Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью темы безумия в дискурсе «Другой» в эстетических и философских концепциях.

Тематизация данного вопроса была осуществлена М. Мамардашвили, который писал, что безумие способно вывести человека из тождества с самим собой и сделать доступным понимание опыта Другого, поставив его в пограничную для психической и социальной нормы ситуацию. Говоря о двойственности в современной символизации, М. Мамардашвили подчёркивает в безумии ее способность к осознанию реальной сущности событий, скрытой за культурными структурами: «Не сама болезнь здесь символ, а ее культурная идеологическая интерпретация, ее принудительная этическая концептуализация – если это называется большим, я бы предпочел быть больным и иметь при этом культуру» [1, с. 128]. Таким образом, метафора безумия как сама выступает символом, так и символизирует, являясь знаком приобщенности к тому, что заведомо задано ценностью и не есть сознание, например культура.

Теоретический анализ

Для того чтобы использовать феномен Другого при анализе феномена безумия, необходимо определить важность Другого для конституирования субъективности. Переосмысление классического субъекта, понимаемого как познающий, происходит в дискурсе инаковости, выраженной в концептуализации Другого (Б. Вальденфельс, Ж.-П. Сартр) и безумия (М. Фуко, Ж. Делёз, Ж. Лакан). Антропологическая проблема осмысления конкретной жизни индивида находит свое выражение в тематизации дихотомии «свой/чужой», рефлексии тревоги и пограничной ситуации. При этом происходят изменение понимания рациональности и переинтерпретация субъекта. Определению возможных значений «чужого» посвящены работы Б. Вальденфельса.

Вальденфельс выделяет три аспекта возможной дефиниции: 1) внешнее как противопоставление внутреннему; 2) принадлежащее Другому; 3) нечто иное как противопоставление привычному. Первоосновой в дихотомии «свой/чужой» выступает понятие «порядок», лежащее в основе понятия «жизненный мир», понимаемого в качестве способа человеческого представления повседневной действительности в ее целостности. Одним из важных принципов нового порядка является признание возможности существования инаковости: «Порядок в потенциалесе». Таким образом, границы, лежащие в континууме имманентного и трансцендентного, преодолевают религиозно-мистическое содержание, создавая возможность трансгрессии. Концепты «свой» и «чужой» существуют вне отношений первичности и доминанции, они возникают одновременно и взаимосвязаны друг с другом [2, с. 179]. Именно благодаря этому различию чужое не является

для нас радикально чужим, а становится модализацией нашего собственного опыта. Абсолютизация схожести и чужести уничтожает само различие, следовательно, «чужость» существует в нас, а мы носим в себе отпечаток Другого, опыт «чужого» «дается в опыте как первично неосуществимое и не как самоданное, однако как то, на что последовательно указывает опыт и что опыт удостоверяет» [3, с. 102]. «Чужость» интерпретируется как тотальная альтернатива привычному, позволяя создавать новые смыслы, будучи неисчерпаемым источником нового, когда свое – это формирование правил, норм и смыслообразований [3, с. 159], являясь, таким образом, актуализацией творческого потенциала Я.

Если обратиться к теме Другого в философии экзистенциализма, то можно констатировать, что Ж.-П. Сартр разрабатывает ее в диалектической экзистенциальной системе. Сознание определяется им как бытие-для-себя, для функционирования которого необходимо бытие-для-другого, что наделяет социальность главной характеристикой сознания. Социальное в философии Сартра рассматривается через решение проблемы Другого, здесь Другой – это тот, для которого мое Я – это объект, о котором он рассуждает [4]. Другими словами, Другой – это «опыт отрицания моего опыта» [5, с. 252], доступный для рефлексии, относящийся к феноменам, существующим вне всякого возможного опыта.

Определив значение Другого для сознания, необходимо рассмотреть значение отсутствия Другого и способы функционирования субъекта в такой ситуации. Понятие «Другой» использовалось многими мыслителями в теориях концептуализирующих безумие (Л. Бинсвангер, Ж. Лакан, А. Мальдине, С. А. Шолохова, К. Ясперс [6]).

Другой познается по аналогии с моим собственным «Я», что подразумевает наличие у него психики, аналогичной психике субъекта, что оказывается невозможным при анализе опыта безумия. Это создает потребность в исследовании безумия в дискурсе опыта иного сознания, где на уровне феноменологического описания необходимо объяснить сознание, отличное от моего.

Подобный опыт исследования был предложен в рамках концепций структурализма, деконструкции и постструктурализма. Например, философские лимиты в структурном психоанализе обусловлены представлениями о субъективности и категорией Другого. По мысли Ж. Лакана, бессознательное структурировано таким же образом, как и языковая система. Для того чтобы определить основные регистры психики и

функционирование в них плана означающего и плана смысла, Лакан использует теорию «стадии зеркала», выделяя три модуса, в рамках которых формируется субъект: Реальное, Воображаемое и Символическое.

Реальное выступает как вытесненный доязыковой психической опыт, складывающийся в бессознательное.

Воображаемое формируется в качестве первоначального опыта отчуждения. Субъект впервые идентифицируется в качестве объекта, производит иллюзорные представления о себя в соответствии с «зеркальным» образом, в котором узнает себя.

Символическое – это структурное образование, уровень языка и социальных отношений, когда бессознательное Реального обретает символическое выражение посредством культурных форм и языкового выражения. Здесь возникает фигура Другого как результат процессов вытеснения и сопротивления бессознательного.

Таким образом, Лакан приходит к заключению, согласно которому человек сам формируется под влиянием Другого и даже желания субъекта в полной мере ему не принадлежат: «Бессознательное – это дискурс Другого» [7, с. 35], да и сам субъект есть ответ бессознательного на вопросы Другого [8, с. 245], а речь – это всегда разговор с Другим [9, с. 212].

Смысл как травма, возникающая благодаря конфликту означающего и означаемого, формируется в сознании психотика задним числом. То есть существование травматического события в прошлом модуса Реального создается в момент психоанализа: «Совершенно неважно, имела ли она место, случилась ли она на самом деле в реальности. Главное, что она влечет за собой серию структурных эффектов» [10, с. 76–77]. Таким образом, реальное здесь – это некая сущность, воссоздаваемая «задним числом», позволяющая объяснять произошедшую деформацию символических структур.

Субъект конституируется в плане означающего и в плане смысла. Для психотика означающее и означаемое представляются в разделенном виде из-за отсутствия элемента, отвечающего за их связку. Замену одного означающего другим он связывает с феноменом метафорического замещения смысла, что в своей актуализации представляется психопатическим субъектом в качестве симптома: «Отсутствие в этом месте Имени Отца образует в означаемом пустоту, вызывая цепную реакцию перестройки означающего, вызывающую катастрофу в сфере воображаемого, продолжающуюся до тех пор, пока не будет достигнут уровень, где означаемое и

означающее уравновесят друг друга в найденной бредом метафоре» [11, с. 17]. План означающего не соответствует плану смысла, который превосходит предметное содержание высказывания, создавая расщепление дискурса.

Таким образом, безумие Лакан интерпретирует в терминах отсутствия структур Другого и изменчивости субъективности, выстраиваемой в процессе взаимодействия с Другим. То есть, если нет Другого, нет и самого субъекта, что приводит сознание к попытке заполнить отсутствующую структуру бредом.

Подход Лакана был подвергнут критике Ж. Делёзом, который в работе «По каким критериям узнают структурализм» выступает с критикой структуралистского выделения символического вне его связи с реальным и воображаемым, предлагая иной взгляд на влияние отсутствия Другого на человеческую психику. На основе анализа книг «Робинзон Крузо» Д. Дефо и «Пятница, или Тихоокеанский лимб» М. Турнье Делёз дает оценку последствиям отсутствия Другого в ситуации тотального одиночества. Согласно тезису Делёза, именно отсутствие Другого является следствием в развитии психических заболеваний в связи с извращением структуры восприятия мира.

Другой выступает априорной структурой восприятия, это своего рода фильтр, через который мир открывается субъекту и становится доступным для понимания, «без которого поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает» [12, с. 396]. Другой создает индивидуальный фон для каждого воспринимаемого объекта, становится контекстом, в котором объект может актуализироваться. Соответственно, в отсутствие Другого воспринимаемое и невоспринимаемое соприкасаются между собой, т. е. Другой – это структура возможного, вне его Возможное разрушается и перестает осуществляться: «Другой как структура – это выражение возможного мира» [12, с. 397]. Из этого следует, что Другой делает возможным дифференциацию субъекта и объекта, а в отсутствие Другого они составляют одно целое, потому что сознание впадает в тождество с объектом [12, с. 397].

Робинзон у Турнье перестает осознавать себя Робинзоном: он становится сознанием острова и закрепляется в его структуре. Сознание порождает другую вещь – двойник каждого объекта, в дополнение к сформированным Другим образам. Это приводит к переструктурированию представляемой субъекту реальности в контексте утраты Другого как структуры и как функции, потеря «Другого приводит к тому, что Другие не схватываемы более как Другие, поскольку

не достает структуры, которая могла бы дать им это место и эту функцию» [12, с. 396]. Поэтому Пятница в романе Турнье функционирует так же, как и обычный объект, а не в качестве заново приобретенного Другого, ибо структура при отсутствующем Другом функционирует извращенно.

Таким образом, для субъекта реальный мир функционирует согласно иной структуре, противостоящей и заменяющей структуру Другого, «из которой при случае вытекают извращенные поступки, а схватывает он других всегда как Других чем другие» [12, с. 421–422] (как жертв, как сообщников).

Заключение

Важным различием в решении вопроса о безумии и Другом у Лакана и его критика Делёза является разное отношение к функционированию субъекта при отсутствующем Другом. Если у Лакана отсутствующие структуры заполняются неправильно и приводят к изменению субъективности, то у Делёза, смешивающего реальное с символическим, отсутствующая структура заполняется двойниками реальных объектов.

Подводя итоги, следует отметить, что фигура Другого в дискурсе безумия осмысливается в рамках разных философских направлений и используется в качестве причины возникновения психической болезни, например, как теория об отсутствующем для субъекта Другом. Речь идет либо о негативном влиянии на психику отсутствия Другого в процессе формирования личности, либо об искажении восприятия мира при отсутствующем Другом.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
2. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М. : Прогресс, 1991. 480 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации // Гуссерль Э. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. Т. 4. 464 с.
4. Зиновьева А. А. Проблема Другого в философии Ж.-П. Сартра // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 28–37.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М. : АСТ, 2015. 928 с.
6. Громова Е. И. «Другой» и концептуализация психической болезни // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2016. № 6. С. 33–47.
7. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М. : Гнозис, 1995. 222 с.

8. Жижек С. Метастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и причинности. М. : АСТ, 2016. 320 с.
9. Лакан Ж. Психоз и Другой // Метафизические исследования. Вып. 14 : Статус иного. СПб. : Алетея, 2000. С. 201–217.
10. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия : Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2007. 375 с.
11. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 1. С. 25–55.
12. Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб. : Амфора, 1999. С. 282–302.

References

1. Mamardashvili M. K., Pyatigorskiy A. M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskiye rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism and Language]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury» Publ., 1997. 224 p. (in Russian).
2. Waldenfels B. *Alltag als Schmelztiegel der Rationalität*. Frankfurt, Der Stachel der Fremden, 1990. 276 S. (Russ. ed.: Valdenfels B. *Povsednevnost kak plavilnyy tigl ratsionalnosti*. Moscow, Progress Publ., 1991. 480 p.).
3. Husserl E. *Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1950. 174 S. (Russ. ed.: Gusserl E. *Kartezianskie meditatsii. Sobraniye sochineniy: v 4 t.* Moscow, Publishing House “Territoriya budushchego”, 2005. 464 p.).
4. Zinoveva A. A. The problem of the Other by J.-P. Sartre. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University], 2010, no. 1, pp. 28–37 (in Russian).
5. Sartre J.-P. *L'être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris, Gallimard, 1976. 675 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto*. Moscow, AST Publ., 2015. 928 p.).
6. Gromova E. I. The “Other” and the conceptualization of mental illness. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow State University Bulletin. Series 7: Philosophy], 2016, no. 6, pp. 33–47 (in Russian).
7. Lacan J. The Function and the Field of Speech and Language in Psychoanalysis. In: *Écrits*. New York, W. W. Norton & Company Publ., 2007. 896 p. (Russ. ed.: Lacan J. *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhooanalize*. Moscow, Gnozis Publ., 1995. 222 p.).
8. Žižek S. *The Metastases of Enjoyment: On Women and Causality*. London, Verso, 2006. 240 p. (Russ. ed.: Žižek S. *Metastazy udovolstviya. Shest ocherkov o zhenshchinakh i prichinnosti*. Moscow, AST Publ., 2016. 320 p.).
9. Lacan J. The seminar 1955–1956: Book III: The psychoses. New York, W. W. Norton & Company, 1997. 352 p. (Russ. ed.: Lakan Zh. *Psikhoz i Drugoy. Metafizicheskie issledovaniya. Iss. 14: Status Inogo*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2000, pp. 201–217).
10. Rudnev V. *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya* [Philosophy of Language and the Semiotics of Madness]. Moscow, Publishing House “Territoriya budushchego”, 2007. 375 p. (in Russian).
11. Lacan J. The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason Since Freud. In: *Écrits*. New York, W. W. Norton & Company Publ., 2007. 896 p. (Russ. ed.: Lacan J. *Instantsiya bukvy v bessoznatelnom, ili Sudba razuma posle Freyda. Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal], 1996, no. 1, pp. 25–55 (in Russian)).
12. Deleuze G. Michel Tournier et le monde sans autrui, Postface to Michel Tournier, *Vendredi ou les limbes du Pacifique*. Paris, Gallimard, 1972, pp. 257–83 (Russ. ed.: Delez Zh. *Mishel Turne i mir bez drugogo*. In: Turne M. *Pyatnitsa, ili Tikhookeanskiy limb*. St. Petersburg, Amfora Publ., 1999, pp. 282–302).

Поступила в редакцию 31.05.2022, одобрена после рецензирования 15.06.2022, принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 31.05.2022, approved after reviewing 15.06.2022, accepted for publication 17.10.2022